

— Иду; но прежде буду просить тебя: пусть здесь будет моя последняя хранина.

Они пошли в дом; но Скворода недолго оставался со всеми вместе. Он пошел в свою комнатку, переменял белье, умылся и лег на кровать, скрестив на груди худые руки.

Долго его ждали к ужину; но он не явился. На другой день к чаю он тоже не явился, к обеду тоже. Обеспокоенный хозяин дома решил войти в его комнату.

Отворив дверь и подойдя к кровати, хозяин, полагая, что Григорий Саввич спит, стал будить его. Но сон Григория Саввича был уже непробудный.

ШУТ ПАЛЕЧЕК

Было это без малого 500 лет тому назад. Был в Чехии добрый и мудрый человек Хельчицкий. И вник этот Хельчицкий в учение Христа как оно написано в Евангелии и понял, что всё учение¹ в том, чтобы, как сказано в Евангелии, любить бога и ближнего, и что для того, чтобы жить так, нужно ни перед кем не возвышаться, обиды терпеть и не себе требовать службы, а самому служить всем. Так и понимал учение Христа Хельчицкий и так и учил людей. И нашлись такие люди, что приняли это его учение и стали жить так. Люди эти все были простые, небогатые и жили работаая. Считали эти люди всех других людей братьями и никого не величали, а всем одинаково говорили: ты брат или сестра. А жили эти братья в Моравии, а потому и стали их называть моравскими братьями. И сами они так и называли себя.

Был среди этих братьев один хороший, умный и веселый человек по имени Иван Палечек. Жил он сначала в семье, работал землю, ходил за скотиной, кормил семью, пока братья его были малы и родители стары, но когда померли родители и подросли братья, и работа его уже не нужна была в доме,² стал он ходить по деревням и городам, поучая людей, как умел, и словом и делом, как жить истинной христианской жизнью.

Ходил Палечек по деревням и заходил больше к бедным. Увидит он, что люди пилят бревна или рубят дрова, или чинят крышу, или тешут камни, или пашут, или косят, и сейчас же пристаёт к ним и берется за работу и помогает и трудится вместе с ними. И работает он так с теми или другими, а как придет время обеда, так он уходит и высмотрит, где богатый мужик или помещик живет, и идет к нему на обед.

---

¹ *Зачеркнуто*: какому учили людей папы и их (архиереи), епископы и попы — неправильно: что учение Христа не в том, чтобы поклоняться иконам и служить обедни и почитать пап, епископов, (священ) попов, и делать то, что они велют, а

² *Зач.*: задумал он пойти в город Прагу, чтобы там пожить и, если придется, поучить людей истинной, скрытой от людей

— Что же ты работаешь не у меня, а обедать идешь ко мне? — сказал ему раз богатый помещик.

— Знаешь ли, братец, — сказал Палечек, — когда ты вот будешь такой бедный, как тот человек, у кого я работал, то я у тебя буду работать, а когда он станет таким богатым, как ты, то я к нему пойду обедать.

Так ходил Палечек сначала близ своей деревни Жуково, а потом пошел и в Прагу.

В Праге был у него земляк кузнец. Палечек пришел к нему и сейчас же стал помогать ему и его жене. В кузне раздувал мехи или бил молотом, а хозяйке помогал тем, что носил дрова, воду, а когда хозяйка уходила из дома или бралась за работу, оставался с детьми. А детей у кузнеца было много. Всякую работу делал Палечек хорошо, но лучше всего он умел ходить за детьми. Большие ли, малые дети, все любили его и все с ним были веселы и смиренны. Так что чаще всего хозяева просили его быть с детьми, и Палечек охотно брался за это. Он выводил их на площадь, и там скоро узнали Палечека жители и стали поручать ему и своих детей. Не пробыл Палечек и двух недель в Праге, как сделалось то, что он стал нянькой всех детей в округе.

Только выходил Палечек из дома, и сейчас со всех дворов бежали к нему мальчики и девочки, одни сами по себе, а другие несли на руках еще своих самых маленьких. Палечек рассаживал детей вокруг себя и распоряжался ими так, что все были довольны: одни ползали по песку, другие делали домики, третьи пускали по ручью кораблики. Палечек играл вместе с ними и то ловил их, то они его ловили. Когда же, набегавшись, уставали или когда шел дождь, садились под навес, и Палечек рассказывал им истории из Евангелия или о богаче и бедном Лазаре, или о блудном сыне, или еще свои выдуманные такие истории, что все ребятки покатывались со смеху и кричали тонкими голосами:

— Еще расскажи, брат Палечек, еще.¹

Так жил уж третий месяц в Праге брат Палечек и помогал кузнецу и занимался с детьми, но не оставлял своего главного дела — того, чтобы толковать людям про истинное христианское учение² — то, чтобы жить — богу служить, любить людей. Толковал он это при случае и словами, толковал и всякими чудачествами.

Придет кто-нибудь просить его помочь ему или взять под присмотр еще ребенка, Палечек говорит:

— Пойду, спрошусь у учителей.

— Каких учителей!

— А вон тех, — показывает на детей.

— Отчего учителей?

---

¹ *Зачеркнуто*: про Иванушку дурака или еще какую историю.

² *Зач.*: их церковное учение ложное и про

— А ты разве не слышал, в Евангелии сказано: будьте как дети, значит учитесь у них. Так вот я и учусь. Надо у них спросить: отпустят ли.

А то еще удивлял он людей тем, что когда по улице едет мимо него какой-нибудь воевода со свитой или епископ или несут статую богородицы или святого какого, и люди бегут смотреть, то Палечек всегда бежит прочь и плюет и отмахивается. И если спросят у него, для чего он это делает, он говорит:

— А разве не читал[и] в Евангелии: что велико перед людьми, то мерзость перед богом. Так как же не бежать подальше от мерзости?

Когда же проходили нищие, он всегда снимал шапку и низко кланялся им. Когда же нищие просили у него милостыню, он всегда делал вид, что сердится на них, и отгонял их, и когда они не сейчас уходили, то делал вид, что хочет прогнать их, ругался и выхватывал из кошмы монеты (братья дали ему денег) и швырял их в нищих как будто затем, чтобы отогнать их. Нищие подбирали деньги и уходили и не благодарили, а еще осуждали его. А это-то ему и было нужно.

Такие и много других чудачеств делал Палечек, и прошла про него слава по городу, и сходились люди смотреть на него. И когда приходили к нему люди скромные, он беседовал с ними, а когда видел, что пришли люди только от скуки, поглазеть, он отворачивался, высовывал язык и занимался с детьми: или бегал и ловил их, или сам убегал от них на одной ноге, или от маленьких на четвереньках.

И слава его становилась всё больше и больше, и захотел чешский король Юрий видеть его и взять его к себе во дворец, чтобы он служил ему шутом и забавлял его и гостей его.

И вот пришли раз на ту площадь, где всегда сидел с детьми Палечек, послы от короля, чтобы звать его в шуты к королю. Подходя к нему, послы эти неосторожно наступили на детский домик из дощечек.

— Вот, брат, и нехорошо ты сделал, — сказал Палечек послу парскому. — Мы не ходим разорять ваши дома, а ты что сделал? Дурно, брат.

— Ну, это еще не великая беда, — сказали послы короля. — А мы к тебе пришли с хорошей вестью: мы пришли звать тебя на высокую службу.

— Ну, братцы милые, какая бы ни была ваша служба, выше моей нет и не было, — сказал Палечек.

— Мы пришли звать тебя на службу к его величеству королю Юрию, — сказали послы, — его величество король Юрий желает так.

— Ваше величество королевское желает, чтобы я ему служил, а мое величество небесное желает, чтобы и я и вы все служили не великим, а малым.

Королевские послы сказали, что, служа королю, Палечек может не оставлять служение малым, и стали говорить ему о том, какой добрый и великодушный король Юрий.

— Погодите, пойду посоветуюсь, братцы, — сказал Палечек и пошел к самой маленькой девочке. Девочка не могла еще говорить и сидела на песке, перебирая ручонками пальцы на своих ножках.

— Идти, сестрица, или не идти? — сказал ей Палечек и долго молчал.

Он молчал, а в душе своей молился и просил бога указать, что ему делать. Живя при дворе, он знал, что ему легче будет передавать христианскую истину самым заблудшим придворным людям и самому королю, и вместе с тем жалко было покидать детей.

Девочка сидела всё так же, но вдруг подняла ножонку и засунула себе в рот.

— Ну, значит, идти, — сказал Палечек и подошел к послам и сказал, что девочка велит и он соглашается.

И с тех пор Палечек стал жить при дворе короля Юрия и сделался шутом его.

Одели Палечека в шутовской наряд в полосатую куртку с одним рукавом синим, другим красным, в такие же разноцветные штаны, надели на него колпак с бубенцами. И в этом наряде Палечек ходил по всему дворцу и к королю и к королеве и по своей должности смешил их.

Палечек знал, что нет¹ для христианина соблазна страшнее соблазна славы людской, того, чтобы жить доброй жизнью не для души своей, не для бога, а для похвалы людской, и больше всего боялся этого соблазна. А потому и шутовской наряд его, и то, что над ним смеялись, было только приятно ему. Теперь, будучи шутом, он знал, что всё, что он сделает доброго, он уже наверное сделает не для похвалы людской. Над шутом все смеются, а никто его не хвалит. Это-то самое и нужно было Палечеку.

И скоро после того, как Палечек поступил на место, ему довелось сделать дело такое, что он долго радовался, вспоминая о нем.

Палечек не забывал детей и скоро после поступления своего во дворец в шутовском наряде своем пошел проведать своих учителей, как он называл их. — Побыл он у них, простился с ними и стал уже подходить к дворцу, и вдруг услышал барабан. Он спросил, что такое, и прохожий сказал ему, что это собирают народ на место казни: будут казнить убийцу. Палечек побежал на место казни и увидал: стоит палач и подле него Дубчанский (так звали молодого человека) плачет и говорит старосте (начальнику), что казнят его напрасно, что не он убил человека, что он бога берет в свидетели.

---

¹ Далее написано: ничего. По смыслу следует вычеркнуть.

И жалко стало Палечеку этих людей и сказал он себе: «Вот тебе дело, брат Палечек; хорошо, что ты шут и можешь всегда дойти до короля. Спаси и человека от смерти и судей его от великого греха».

И подошел Палечек к старосте и палачу и сказал:

— Брат староста, брат палач. Смотрите, не сделайте дурного дела. Убить легко, а воскресить человек не может. Бегу сейчас к брату королю, скажу ему, чтобы он выслушал брата Дубчанского, а вы ждите ответа.

Обещал ему староста ждать ответа от короля. И ¹ пустился из всех сил рысью Палечек во дворец, только часто звенели бубенчики на колпаке и мелькали одна за другой то синяя, то красная штанина.

Прибежал Палечек прямо к королю.

— Что ты, брат король, или лучше Христа? — сказал Палечек.

— Отчего лучше Христа? — спросил король.

— Да как же. Христос какого разбойника простил на кресте, а ты казнишь, не выслушав.

— Кого? — спросил король.

— А Дубчанского. Сейчас его казнить хотят. А он говорит, что невиноват. А ты не хочешь выслушать его.

И уговорил Палечек короля выслушать Дубчанского. И оказался Дубчанский не виноват, а убийца был другой человек, и тот уже умер. Так что казнить некого было, и Дубчанский остался жив, и король был благодарен Палечеку. И с тех пор всё чаще и чаще стал Палечек выставлять ошибки людей придворных и помогать королю поступать по правде. И всё больше слушал его король.

Один раз ездил Палечек с королем за город. И увидел Палечек красивое место — дома, постройки, сады, пруды, луга и спросил у короля:

— Чья, брат король, эта хорошая усадьба?

— А это усадьба бедных, больных, слабых людей. Это для них устроено и их собственность.

Понравилось это место Палечеку, он попросился у короля идти туда и тотчас выскочил из кареты и пошел в богадельню.

Пришел он к обеду и сел за обед с больными. Была пятница, и обед был постный и очень плохой: постная каша и хлеб. И подумал Палечек: «при такой усадьбе можно бы и получше кормить убогих».

На другую пятницу отпросился Палечек опять в богадельню обедать. Но пошел уж не к больным, а к управителям больницы. Обед был не такой плохой, как у больных, а хоть и постный, но такой, что хоть бы и самому королю, самая дорогая рыба и приправы и сладкие блюда.

---

¹ Зачеркнуто: как птица полетел

Палечек и не доел обеда и выскочил из-за стола и рысью побежал к королю.

— Что, брат король, — сказал он, — был я сейчас у твоих больных. Там, брат король, всё наыворот.

— Как наыворот?

— Да как же не наыворот. Ты сам мне сказал, что больные и убогие — хозяева этого именья, а посмотрел я — хозяева едят так, что чуть живы, а слуги их так едят, что только бы тебе впору. Не порядок это.

И поблагодарил король Палечека и исправил это дело.

Другой раз шел Палечек за городом и набрел на больного нищего. Нищий лежал в грязи и не переставая стонал. Тело его всё было в гнойных ранах. Палечек побежал в ближнюю больницу, но в больнице не приняли больного: сказали, что они не принимают больных с такими ранами. Тогда Палечек сам один хотел поднять больного и снести его в какой-нибудь приют. Но больной был так тяжел, что Палечек один не мог нести его. Тогда он пошел¹ к священникам и сказал:

— Братья священники, набрел я сейчас на Христово тело, лежит в куче навоза. Пойдемте, ради бога, я покажу вам, где, поднимем его и снесем в пристойное место.

Священники поняли слова Палечека так, что он нашел гостию, хлебную часть причастия, и сейчас оделись в ризы и пошли, куда повел их Палечек.

— Не взять ли лучше повозку? — сказал Палечек. Но они сказали:

— Нет, мы в руках снесем тело господне.

— Вот это хорошо, братцы, — сказал Палечек.

Когда же они пришли к больному нищему и увидели человека, покрытого ранами в навозе, они ужаснулись.

— Вот оно, тело Христа! — сказал Палечек. — Давайте же, подымаем его и поступим с ним милостиво, как вы научаете людей: что делаете меньшому из братьев, то делаете самому богу.

Нечего было делать, и священники отнесли больного нищего в больницу.

Не любил Палечек богатых, священников, попов, каноников, епископов за то, что они <одевались в роскошные одежды с золотыми украшениями и так входили в алтарь.> — «Христос был бедный, — говорил он, — и учил своих учеников раздавать всё и следовать за ним в бедности, а не велел собирать имущества и одеваться в богатые одежды».

Пришли раз к королю пражские каноники. Нарядились они в самые роскошные наряды, в свои горностаевые накидки. Накидки эти надевают мехом кверху. В то время как каноники

---

¹ *Зачеркнуто*: в ближайший приход

эти стояли перед королем и говорили ему про свои дела, подошел к ним сзади Палечек и стал дергать их за горностаевые хвостики и смеяться.

— Что же рано нарядились, вывернули кожихи. У вас, видно, уже масляница!

Каноники обиделись и сказали королю:

— Не веди нас обижать тому человеку.

Королю было неприятно. И он сказал Палечеку:

— Оставь в покое господ священников.

— «Священников?» удивился Палечек. — Разве это священники? А я думал, что это ряженые.¹

Другой раз случилось, что к Палечеку пришел староста и просил помочь ему в его горе. Дело было в том, что у боярыни Терчковой из Рычан была любимая дорогая борзая собака. Забежала раз эта собака на двор старосты и стала гоняться за его птицей — курами, гусями, утками. Услышал крик птицы староста, выбежал на двор и бросил в собаку палкой, да на беду зашиб ей ногу. Собака, хромя, визжа, побежала домой.

Узнав, кто ранил ее собаку, боярыня наложила на старосту большой штраф. Староста просил прощенья, но боярыня не миловала и взыскала с него всё.

Палечек пожалел старосту и задумал выручить его. Он велел старосте приходить к боярыне в воскресенье и обещал, что сам будет у нее обедать и постарается устроить дело.

В воскресенье Палечек был у боярыни и сидел с ней за столом, когда пришел староста. Староста остановился в дверях, низко поклонился и сказал:

— Здравствуй, *милостивая* государыня!

— Ах ты лгун скверный, — закричал Палечек. — Вон отсюда!

— За что ты его бранишь? — спросила боярыня.

— Как за что? За то, что он тебе в лицо лжет. Он говорит: милостивая государыня. А какая же ты милостивая — взяла его деньги и разорила его. Скажи он тебе: «здравствуй, злая боярыня», вот это была бы правда. Ты говоришь, что он не лгун, так вот если не хочешь, чтобы он был лгуном, так будь милостива. Обоим вам будет хорошо.

И послушалась боярыня и отдала старосте деньги.

Король давал Палечеку денег, сколько он хотел, но Палечек брал только немного для того, чтобы раздавать самым бедным. Так что он носил всегда на ремне кожаную кошню, и в кошне этой всегда были кое-какие деньги.

Зашел раз Палечек далеко от Праги и остановился ночевать в корчме. Ночевал в эту ночь в той же корчме и бродяга — недобрый человек. И положили бродягу спать на соломе вместе

---

¹ *Зачеркнуто*: готовятся к маслянице.

² *Зач.*: Боярыня любила эту собаку, как родное дитя.

с Палечеком в одной и той же горнице. Догадался Палечек, какой человек был этот сосед его, и стал думать о том, как бы не отнял этот человек его кошню. И был настороже и не спал. Не спал тоже и тот — видно, дожидался того, когда заснет Палечек. Лежали они оба друг возле друга, и всё прислушивались и приглядывались, и оба не спали. Прошла уже полночь. И надоело это Палечеку. В середине ночи поднялся Палечек и ударил по плечу бродягу. Тот притворился, что спит.

— Не притворяйся, брат, — сказал Палечек. — Я ведь, брат, знаю, что ты не спишь. А слушай: вот что, брат любезный. Знаю, милый брат, что ты не спишь для того, что хочешь отрезать мою кошню, когда я засну. А я не сплю для того, чтобы ты не отрезал ее. Так вот что: слушай. Перестанем мучать друг друга. Видишь, вот мои деньги.

Он высыпал их на стол и разделил на две кучки.

— Вот одна половина, вот другая. Бери одну, какую хочешь, а другую оставь мне и давай спать.

И они оба заснули.

Когда же они проснулись, Палечек сказал бродяге:

— Вот что, братец. Спали мы хорошо, а все-таки брось свою дурную жизнь, милый брат. Нехорошо это перед людьми, а хуже всего перед богом.

Другой раз случилось с ним такое же дело, и на этот раз он поступил еще ближе к христианскому закону.¹

И случилось раз, идя лесом, наткнуться на лихого человека с большой дубиной в руках. Человек, увидав Палечека, поднял дубину над его головой и закричал:

— Давай деньги, убью!

Палечек не сробел, а бросился на разбойника и схватил его за руки. Палечек был силен и так крепко зажал руки разбойника, что тот выпустил дубину и не мог вырваться.

— Вот что, брат милый, — сказал Палечек, — жизнь свою я тебе не дам, она божья, но плащ вот, если тебе нужен, бери.

— Ну так пусти меня, — сказал разбойник.

— Нет, постой еще, братец, — сказал Палечек — есть еще у меня вот кошня с деньгами, те также бери себе, если нужны тебе. Но брось такие дела делать.

Разбойник так удивился и испугался, что не захотел брать деньги, но Палечек настоял на своем.

На утро, когда король увидал Палечека без плаща и без кошны, он спросил его:

— Куда же девались у тебя, брат Палечек, плащ и кошня?

Палечек рассказал всё, что было с разбойником. Король рассердился.

---

¹ *Зачеркнуто*: Забрел он раз далеко и шел лесом, а лес был густой и темный, и нигде не было близко человеческого жилья.

— Я хочу вывести разбойников, а ты награждаешь их. Глупо это и нехорошо.

— Нет, это хорошо, — сказал Палечек. — Разве не Христос сказал: «Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему и левую. А если кто отымает у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку?»

Так поступал в жизни Палечек, исполняя во всем заповеди Христа, а в обрядах он не только отступал от церкви, но делал всё наперекор им: так, в страстную пятницу пел песни и плясал, а на маслянице, когда другие пьянствовали, наряжались и всячески безобразничали, Палечек молился и плакал. Когда у него спрашивали, почему он поступает так, он говорил, что ему веселее в страстную пятницу, потому что Христос исполнил великое дело, умер на кресте, плакал же он во время масляницы потому, что люди пьянством, невоздержанностью и всякими грехами в это время губят свое тело и душу.

Чем больше узнавал король Юрий Палечека, тем больше он любил его и верил ему.

Когда Палечек приходил с королем на собрания воевод и советчиков и сидел возле него, король примечал, что Палечек что-то записывает. Король спросил, что он пишет, и Палечек показал ему бумажку с прямыми палочками и каракулями. Когда король спросил, что это значит, Палечек сказал, что все советы вельмож он записывал. Если кто честно и справедливо советовал королю, против того имени Палечек чертил прямую линию; если же кто советовал так, чтобы ему самому была польза — против того имени Палечек делал кривую каракулю.

Когда совет кончался, и бояре уходили, король Юрий обращался к Палечеку:

— Ну-ка, покажи, брат, что ты записал?

И Палечек показывал ему и говорил:

— Да, брат король, прямота нужнее всего.

Один раз король Юрий велел написать письмо немецкому императору. И когда оно было написано, пришел канцлер к королю спросить его, какой титул надписать императору. Король сказал:

— Пиши, как всегда: его императорскому величеству, святой римской империи, всегдашнему защитнику и т. д.

— Брат король, — сказал Палечек, — не пиши так.

— Отчего же, всегда так пишут. Таков обычай.

— Держись правды, а не обычая, брат король, — сказал Палечек. — Если бы ты писал письмо на небо, то можно бы сказать: святая империя; а какая же святая империя немцев, где император и князья душат друг друга и делают всякие мерзости. Император же сварливый и жадный.

— А как же мне писать? — спросил король.

— Пиши правду: Императору немецкому, сварливому и жадному, разорителю немецкой империи, — сказал Палечек.

Палечек никогда не покидал детей, а всегда любил и ласкал их.

Возвращался раз Палечек домой и шел возле царских садов. И увидал он городских детей, как они теснились у ворот решетки, заглядывали в царский сад. А в саду принцы и принцессы играли в разные игры.

Были у принцев две маленькие лошадки. Лошадки эти были смиренные, и дети короля ездили на них верхом и перегоняли друг друга. А еще другие лошадки были запряжены в коляску, и принцессы катались на них по усыпанным песком дорожкам. Городские дети смотрели на всё это. И им хотелось бы самим покататься и поиграть, и они завидовали детям короля. Палечек заметил это, открыл ворота в сад и сказал принцам и принцессам:

— Дайте, братцы и сестрицы, и этим детям поиграть с вами!

Принцы обиделись и оставили своих лошадок и пошли с жалобой к королю.

Тогда король сказал Палечеку:

— Напрасно ты, брат Палечек, водишь городских оборванных детей в мой сад, царским детям неприлично играть с детьми сапожников и портных.

— Почему неприлично? — спросил Палечек.

— Потому, что дети мои царского рода и иначе воспитаны.

— Брат король, — сказал Палечек, — все дети царского рода.

Король был недоволен, но Палечек делал всё свое, то, что считал нужным по закону Христа. И король всё больше и больше любил его и давал ему и деньги и одежды, когда Палечек приходил к нему без денег и раздетый.

— Куда же ты девал те плащи, что я дал тебе? — спрашивал король.

— Отдал господу богу, — отвечал Палечек.

— Где же это ты встретил господа бога? — спрашивал король.

— Разве не знаешь: что вы меньшему сделали, то мне сделали? А их много.

Так жил Палечек и ни перед кем не робел и всем говорил правду в лицо. Однажды Палечек зашел в деревню и помогал бедному человеку покрывать сарай. И случилось, что через эту самую деревню шла пешком королева на богомолье. Впереди ехала королевская коляска, а вслед за коляской шла королева пешком. Шла она на поклонение святому Прокопу на Сазаве. Один из провожатых королевы увидал Палечека на крыше и позвал его королеве. Королева позвала Палечека:

— Брат Палечек, слезай вниз и подойди ко мне.

Палечек слез с крыши.

— Что, — сказала она, — как ты рассудишь, милый брат Палечек, будет ли мне награда от бога за то, что я иду пешком на богомолье?

— Сестра королева, — сказал Палечек, — если бог станет награждать бродяг и лентяев, тогда и тебе будет награда. Однако, милая сестрица королева, лучше бы ты дома сидела да пряла бы и выткала бы холст и раздала бы нищим: тогда бы и была тебе награда, а не за это.

Королева послушалась Палечека, велела повернуть назад к Праге и больше не ходила на богомолье.

Палечек во всем и всегда напоминал людям и о том, что всем людям надо любить друг друга, и о том, что люди все равны и что грешно и глупо различать людей и одних больше, других меньше уважать и любить.

Раз обедал он во дворце. Подали на обед королю, на его стол, где он сидел с королевой, принцами, принцессами и знаменитыми рыцарями и их дамами, рыбу. Младшие же рыцари, пажи и юнкера и с ними Палечек сидели за другим столом в королевской комнате, близ дверей.

И вот Палечек заметил, что на стол короля подавали блюда с крупными рыбами, ему же с младшими рыцарями ставили блюда с мелкими плохими рыбами, так что в них было больше костей, чем мяса. Вот он взял одну рыбку, поднес ее к уху, что-то пробормотал и отложил ее в сторону. Потом взял другую и опять что-то проговорил и как будто от нее услышал что-то.

Рыцари, пажи и младшие придворные стали смеяться. Король услышал и спросил, о чем они смеются.

— Да вот брат Палечек разговаривает с рыбами, — сказал один из рыцарей.

Тогда король спросил Палечека:

— О чем ты это разговариваешь с рыбой?

— Вот что, брат король, — сказал Палечек. — Был у меня брат рыболов, и потонул он в реке. Вот и спрашиваю у этих рыб, что у нас на столе, не знают ли что-нибудь про него.

— Что же они тебе сказали? — спросил король.

— Они говорят, — сказал Палечек, — что они еще очень малы и ничего не знают про него, они говорят, что спросить надо у тех старых, больших рыб, что на твоём столе, те, должно, знают про него.

Король засмеялся, понял и велел подавать одинаковые блюда на тот и на другой стол.

И жил у короля Юрия этот шут до глубокой старости, и только когда он помер, стали люди понимать, что этот шут был мудрец и святой человек.